

АЛИ РАДИ МАШДЖЕЛЬ АЛЬ ХАСНАВИ

доктор филологических наук, доцент кафедры теоретических наук факультета физических воспитаний и спортивных наук

Университет Ти-Кара (Ти-Кар, Ирак)

ORCID 0000-0002-1483-479X; ali88.2000@utq.edu.iq

ОСОБЕННОСТИ ТЕМПОРАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ ПРЕДИКАТИВОВ СТРУКТУРНЫХ СХЕМ «КТО / ЧТО УВЕЛИЧИВАЕТ КОГО / ЧТО» И «КТО / ЧТО УМЕНЬШАЕТ КОГО / ЧТО»

А н н о т а ц и я . Представлены описание и выявление временных значений предикативов двух противоположных по значению, но расположенных на одном ярусе в синтаксическом поле «изменение» структурных схем «кто / что увеличивает кого / что» и «кто / что уменьшает кого / что». Актуальность исследования вытекает из функциональной значимости временной семантики в формировании коммуникативной единицы. В качестве структурообразующего компонента, маркера предикатива, подвергающегося рассмотрению, выступают глаголы увеличения типа *расширять*, *увеличивать*, *удваивать*, *удесятерять*, *усугублять* и др., которые формируют первую схему, и глаголы уменьшения вроде *глушить*, *замедлять*, *подрывать*, *расшатывать*, *уменьшать* и др., формирующие вторую. Сбор языкового материала осуществлялся на основе метода сплошной выборки из текстов русской литературы XIX–XXI веков. Большое внимание уделено выявлению основных и частных значений глагольных форм настоящего, прошедшего и будущего времени. Выявлена частотность функционирования форм прошедшего времени с превалирующей актуальной семантикой с ее аористичным и перфектным значением, зарегистрирована малопродуктивность форм настоящего времени с превалирующей неактуальной семантикой узувального, итеративного, обобщенного характера и ее транспозицией, а также частотность форм будущего времени ниже частотности других форм. **К л ю ч е в ы е с л о в а :** темпоральная семантика, предикатив, перфект, аористическое значение, локализованность, нелокализованность, узувальность

Д л я ц и т и р о в а н и я : Аль Хаснави А. Р. М. Особенности темпоральной семантики предикативов структурных схем «кто / что увеличивает кого / что» и «кто / что уменьшает кого / что» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 4. С. 13–20. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.901

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на длительный неугасающий интерес ученых к категории времени как категории философской или лингвистической, подвергавшейся тщательному анализу в работах многих исследователей, вопрос, связанный с его осмыслением, стоит не одну сотню лет. Первое (философское) понимание времени до некоторой степени антропоцентрично: время и человек, время и человеческое мышление, время и бытие осознавались в связи друг с другом. Второе (лингвистическое) понимание времени всегда было несколько иным: время признавалось как грамматическое явление [15: 22], выражаемое определенным набором морфологических характеристик.

Категория времени, обозначающая отношение времени действия к моменту речи, включается в число обязательных признаков предложения. Согласно теории В. В. Виноградова, синтакси-

ческое время (темпоральность) является, наряду с модальностью и синтаксическим лицом, одним из компонентов предикативности [6: 226–229, 264–271], [7: 78]. Темпоральная семантика – одна из самых привлекательных областей современной лингвистики. Она и другие темпоральные выражения, включая модификацию, контекстную зависимость, лексическое разнообразие и взаимодействие элементов в нескольких грамматических категориях, возможно, столь же богаты и проблематичны, как и другие виды семантики, присутствующие в естественных языках.

Актуальность исследования определяется, во-первых, функциональной значимостью временной семантики в формировании коммуникативной единицы. Во-вторых, темпоральная семантика предикативов структурных схем «кто / что увеличивает кого / что» и «кто / что уменьшает кого / что» еще не была предметом специального анализа исследователей-лингвистов, хотя

в русской лингвистике темпоральной семантике посвящено немало работ [1], [2], [3], [4], [6], [8], [9], [11], [14], [17], [18], [19], [20], [21] и др.

Цель исследования – выявление особенностей временных значений предикативов структурных схем «кто / что увеличивает кого / что» и «кто / что уменьшает кого / что».

Фактический языковой материал (с 12730 условно-печатных листов получено 700 примеров), лежащий в основе исследования, представлен сплошной выборкой из романов, повестей, рассказов и пьес русских писателей XIX–XXI веков: В. Аксенова, А. С. Грина, Ф. М. Достоевского, Ю. Дружникова, А. Б. Мариенгофа, А. Н. Толстого и др.¹ Количество авторов – 19. Ограничение хронологическими рамками (1866–2011) обусловлено развитием художественного языка и литературных форм в рассматриваемый период. Наблюдаются заметные изменения как на текстовом уровне, так и на собственно языковом, не говоря об изменении норм русского литературного языка, продолжающемся и в настоящее время.

Одним из важнейших компонентов содержательной структуры высказывания, который устанавливает его соотносительность с внеязыковой действительностью в реально существующем физическом времени, воспринимаемом человеком в его отдельных моментах, отрезках, промежутках, является темпоральная семантика [11: 5]. Данная семантическая категория объективирована в высказывании различными средствами: грамматическими, лексическими и комбинированными (грамматико-контекстуальными, лексико-грамматическими), образующими временной дейктический центр, который, находя выражение в системе глагольных форм времени, рассматривается как системно-языковая точка отсчета [3: 5–8], [4: 478].

Под временным дейктическим центром понимается отражение, обобщение и закрепление в данной языковой системе и существующих в ней подсистемах внеязыкового момента речи как того центра временной ориентации, который выступает в процессах коммуникации [3: 8–9]. Поскольку временные глагольные формы являются ядром временного дейктического центра, они обнаруживают ориентацию на определенную точку отсчета – дейктический центр, заключенный в построении данной системы, ее фокусировке [3: 8]. Понятие временного дейксиса обозначает языковую интерпретацию соотносительности времени ситуации с моментом речи или какой-либо иной точкой отсчета [13: 17], то есть темпоральная ориентация обозначаемой ситуации с точки зрения говорящего или другого

лица, определяющего временные отношения [4: 478].

В определении темпоральной семантики предикатива учтено сочетание актуальности / неактуальности или один из компонентов категориальных признаков локализованности / не локализованности действия (ситуации) во времени: конкретности, неконкретности (узуральности или временной обобщенности).

СТРУКТУРНАЯ СХЕМА

«КТО / ЧТО УВЕЛИЧИВАЕТ КОГО / ЧТО»

Данная схема трехкомпонентна (по частоте функционирования она занимает первое место, что составляет 50,1 % примеров). Она представляет пропозицию, включающую следующие смыслы: субъект – предикат – объект. В позиции субъектива отмечаются как одушевленные, так и неодушевленные существительные в форме именительного падежа, которые относятся к разным лексико-семантическим группам имен: *детины, мадемуазель, охотник, человек; лошадь, медведь; вещество, занавеска, облако, сообщение, чувство* и др. Нередко в этой позиции выступают и личные (*я, он, они*), указательные (*это*), определительные (*весь, все*), относительные (*который, кто*) местоимения или субстантивированные прилагательные (*подручный*). Позиция предикатива занята глаголами увеличения типа *растягивать, увеличивать, удваивать, удесятерять, усугублять* и др. Позиция объектива, подвергавшегося изменению, представлена личными, конкретными или отвлеченными именами в форме винительного падежа: *деньги, подтяжка, тираж; наказание, план, ругательство, событие* и др. Реже в этой позиции выступают определительные (*весь, все, другой*) и неопределенные (*что-то*) местоимения.

В текстах возможны пропуски словоформ со значением субъекта ввиду их информативной избыточности или контекстуальной представленности:

«Во всех здешних будем в дальнейшем **расширять** посадку картофеля и овощей, а в Заречье – зерновые» (Астафьев: 561).

Необходимо отметить, что «субъект и предикат – термины понятийные, субъектив и предикатив – термины функциональные». Субъективом называется словоформа со значением субъекта, предикативом – словоформа, репрезентирующая предикат [12: 14].

Инвариант схемы (индикатив) с предикативом в форме настоящего времени малопродуктивен в функционировании (13,6 % примеров). Темпоральную семантику пропозиции назы-

вают актуальной или конкретной тогда, когда ситуация прикреплена к кому-то моменту или периоду речи. Если ситуация не прикреплена к определенному периоду речи, речь может идти о неактуальной или абстрактной семантике [1: 64–68].

Актуальное настоящее время предикатива с семантикой увеличения, соотносимое с моментом речи, в материале исследования встречается редко (2,1 %):

«Председатель суда предупредил, что это замечание усугубляет вину и усиливает наказание» (Паустовский: 448); *«Зоя Петровна пытается растянуть губы в удобную улыбку»* (Мариенгоф: 39).

Во втором примере сочетание модально-го глагола и инфинитива традиционно рассматривается как составное глагольное сказуемое. Модальный глагол в данном случае служит модификатором, усложнителем предикатива.

В подавляющем большинстве случаев форма настоящего времени обозначает неактуальное значение (11,9 % примеров). Среди различных вариантов ситуации неактуального настоящего можно выделить:

1. Ситуацию настоящего узувального, неоднократного, итеративного, основанного на обобщении опыта говорящего [2: 217], полученного наблюдением и анализом [9: 181]. Узувальность может быть результатом логических рассуждений, мыслительной деятельности [10: 29]:

«Мои подручные специально для этого дела зиму бороды отращивают, одеваются в грязное да рваное» (Топилин: 120); *«Жалованье я увеличиваю вдвое, так же удваиваются обычные премии»* (Толстой: 697)

или следствием переносного употребления времени [1: 170]:

«Строительство железных дорог ускоряет разрушение лесов...» (Леонов: 303); *«Так вот, тем самым, товарищ Щельга, что вы пробудете здесь с недельку в соседстве с пауками, вы страшно, неизмеримо увеличиваете возможность моей победы»* (Толстой: 257).

В последних примерах форма настоящего времени, думаем, функционирует в плане будущего.

2. Ситуацию настоящего обобщенного, гномического, вневременного, отличающегося максимальной степенью генерализации субъекта, объекта и ситуации в целом [4: 459]:

«Порядок расширяет мысль, – был его любимый афоризм» (Дружников: 62); *«Вещи усиливают ощущение времени»* (Паустовский: 408).

3. Ситуацию настоящего постоянного:

«Он все время раздувает ноздри, как легавая собака, почуявшая куропатку...» (Толстой: 761).

Значение ситуации увеличения, предшествующей моменту речи говорящего, передают продуктивные в функционировании глаголы прошедшего времени (84 % примеров). Они, наряду с локализованной во времени ситуацией (59,4 % примеров), маркируют и нелокализованную (24,6 %).

На конкретность, локализованность во времени ситуации, отнесенной к прошлому (предшествующей по отношению к точке отсчета), указывают:

1) глаголы совершенного вида, обозначающие ситуацию, предшествующую моменту речи говорящего (то есть подчеркивающие основное значение формы совершенного вида):

«Корейский рис удвоил рисовый кризис метрополии» (Пильняк: 488);

2) глаголы несовершенного вида в имперфективной функции со значением подчеркнуто непрерывного, длящегося в определенный период времени увеличения:

«Но монах и Денисов, не слушая, раздували ноздри» (Толстой: 449); *«Лошади на минуту ускоряли шаг, а потом снова едва плелись, фыркали, тянулись к темной траве по обочинам дороги»* (Паустовский: 14–15).

Последний пример отражает значение расширенного прошедшего, включенного в состав актуального;

3) сочетаемость цепи глаголов совершенного вида с семантикой увеличения в аористическом значении, выражающих ряд сменяющих друг друга фактов прошлого:

«Лушка тоже признала бабку Ветлужанку, обрадовалась, как новым валенкам, ускорила шаг, прямым ходом к ней» (Топилин: 93); *«Хотел затормозить, но пока думал, останавливаться или нет, отъехал уже далеко и тогда еще прибавил газ»* (Дружников: 289).

В последнем примере наречие *тогда* заставляет воспринимать глагольное действие как факт, замкнутый в рамках прошлого и лишенный актуальности для более позднего временного плана;

4) форма прошедшего времени глаголов совершенного вида в перфектном значении:

«Иван передал указанную сумму, сверху накинул еще десятку» (Топилин: 273); *«Болезненный юноша, вложил указательные пальцы в углы рта, растянул его, как чулок»* (Мариенгоф: 276).

Неконкретную, абстрактную, нелокализованную во времени ситуацию реализует форма прошедшего времени. К таковым относятся:

1) узувальность, повторяемость действия:

«Так, – сказал Гарин. (Опять прибавил три непонятных слова по-русски.) – Еще что?» (Толстой: 787); *«Еще примечательнее была его речь: шипящие звуки»*

он произносил как свистящие, свистящие как шипящие, горловые как носовые, носовые как горловые; краткие удлинял, долгие укорачивал, а что касается до ударений, то здесь – не было никаких границ его изобретательности и фантазии» (Мариенгоф: 522);

2) итеративная семантика, языковым показателем которой являются темпоральные конструкции: *временами, каждый день, иногда*:

«Не описываю первого времени долгого пути – дни были однообразны, и каждый **увеличивал** радость, и сердце мое сильнее щемила грусть» (Толстой: 286); «Они (импрессионисты) писали под открытым небом и **иногда**, может быть, нарочно **усиливали** краски» (Паустовский: 572);

3) обобщенность:

«А так как при всяком превращении вещества есть неустрашимые потери, то пожранный маленький аэз не **увеличивал** тела большого аэза» (Платонов: 66).

Непродуктивная в функционировании синтаксическая форма будущего времени (2,4 % примеров), выражающая следования по отношению к исходной точке отсчета, реализует как актуальную (1,4 %):

«Иоаким. Один приговор, вынесенный судьями, второе **увеличит** оборот нашего торгового дома» (Мариенгоф: 17),

так и абстрактную (1 %) семантику (названная форма употребляется в плане настоящего абстрактного с оттенком уверенности):

«Уж я вам поручусь, дело пробованное <...> ну, а вам чарку водки поднесет и хоть на этот раз водой ее не **разбавит**» (Короленко: 306).

СТРУКТУРНАЯ СХЕМА «КТО / ЧТО УМЕНЬШАЕТ КОГО / ЧТО»

Схема также трехкомпонентна (частотность функционирования ее представлена примерно в 49,9 % примеров). Предикатив (первый конститутивный компонент) маркирован глаголами уменьшения: *глушить, замедлять, ослаблять, подрывать, понижать, расшатывать, смягчать* и др. Субъектив (второй конститутивный компонент) представлен наименованиями: *капитан, ключ, офицер, прикосновение, сознание, собака, старуха, теща* и др. Субъектив может быть маркирован личным местоимением (*я, мы, он, она, они*), другими разрядами местоимений: отрицательными (*никто*), вопросительными (*кто*), указательными (*тот, это*), определительными (*каждый, сам*). Объектив (третий конститутивный компонент) репрезентирован номинантами: *дорога, лист, лицо, смысл, значение, тело, уверенность, чувство, штаны* и др. Позицию объектива могут занимать родовые имена (*противник, мамаша*), непарнокопытные домашние животные (*конь, лошадь*).

Высказывания, формируемые глаголами со значением уменьшения, допускают эллипсис как субъектной словоформы, так и словоформы со значением объекта:

«*Наслаждаясь протухшим мясом, **притупил** бдительность, подпустил охотников на верный выстрел*» (Топилин: 336); «*Текст укрепляет советскую власть, а подтекст **расшатывает***» (Дружников: 360).

Настоящим временем предикатив представлен в 16,2 % примеров, репрезентирующих схему «кто / что уменьшает кого / что».

Актуальность (6,3 % примеров) ориентации времени ситуации на момент речи отражается в высказываниях типа:

«*В специальной почтовой конторе у так называемой границы станции горит стосвечевая лампочка, она **рассеивает** полумрак и создает уют*» (Соколов: 49); «*Отойдя метров на сто от школы, **сбавляем** ход*» (Прилепин: 113).

К этому временному плану относятся настоящее расширенное, охватывающее, помимо момента речи, план прошлого или будущего [5: 92], [15]:

«*Не выдумываю теории, которые **всегда ограничивают** свободный рост мысли и воображения*» (Горький: 881); «*Рассказ еще больше **понижает** настроение*» (Булгаков: 345).

Неконкретное настоящее времени момента речи (9,6 % примеров) представлено:

1) узуальностью, повторяемостью:

«*Эти еретики упорствуют и всюду, где только можно, **подрывают** самый принцип королевской власти*» (Толстой: 479);

2) итеративностью:

«*Он хочет добра людям, **снижает каждый год** цены, склоняется к карте лесозащитных полос – и природу пабэдым!*» (Аксенов: 346); «*Сдержанность происходила из уверенности, что **каждый день ослабляет** противника и **облегчает** его будущий разгром*» (Леонов: 121);

3) обобщенностью:

«*Кто не пьет, тот **подрывает** нашу экономику*» (Дружников: 370); «*А силы так и **не убывают***» (Топилин: 259).

Маркируя локализованную и нелокализованную во времени ситуацию уменьшения, формы прошедшего времени продуктивны в функционировании (80,8 % примеров).

По семантическому признаку локализованности (59,5 % примеров) собранный и исследованный материал позволил нам выделить ситуации трех типов.

1. Ситуации с актуальным прошедшим, маркирующим глаголы совершенного вида, отражающие основное значение названной формы:

«Ягубов **сдержал** поспешность и отвечал спокойно, с достоинством, но от прямой оценки ушел, чтобы не навязывать товарищам свою точку зрения» (Дружников: 496–497);

2. Ситуации с актуальным прошедшим, маркирующим глаголы несовершенного вида:

«За те десять минут, пока автомобиль **сокращал** город, десять полицейских отметили его номер в записной книжке, потому что были нарушены все правила уличного движения, с неизбежным бегством враспынную встречных и поперечных» (Грин: 317–318).

К актуальной семантике относим прошедшее расширенное:

«Она уже минут пятнадцать **суживала** глаза – это всегда было признаком того, что она думает и слегка злится» (Прилепин: 888).

3. Ситуации с актуальным прошедшим, маркирующим глаголы совершенного вида в аористическом и перфектном значении.

Аористическое значение формы прошедшего времени совершенного вида связывается с представлением действия как звена в цепи последовательных действий, сменяющих друг друга:

«Под знакомым деревом путница **замедлила шаг**, приостановилась, с грустью в глазах посмотрела на место свидания с Иваном» (Мариенгоф: 91); «Наши герои притихли, **умерили** пыл, предались расспросам: – Мы вас раньше в наших краях не видели» (Топилин: 317).

Перфектное значение, думаем, отражено в высказываниях типа:

«Какой же чудовищной силы и мощи **фугас** я запустил, что **пошатнул** здоровую мораль передового советского сообщества?!» (Астафьев: 14).

Временная нелокализованность ситуации (20,4 % примеров) отмечена:

1) итеративным вариантом:

«Это была весна <...> И собака – еще недели за две до родов – всячески мешала хозяевам. То она подкапывалась под дровяной сарай, то **подрывала** корни смородины, то рылась под домом, уготавливая нору, где она могла бы разродиться» (Пильняк: 10);

2) обобщенным вариантом:

«Петруха не **рассеивал** в людях этого заблуждения и даже другу не рассказывал о чем, как “жмет масло” из начальства» (Астафьев: 214);

3) метафорическим (переносным) вариантом, относящимся к будущему времени. Темпоральная отнесенность к будущему времени находит выражение, как отмечает Т. Е. Шаповалова, «при функционировании форм сослагательного наклонения с модальным значением предположительного условия или возможности» [21: 125]:

«Был бы я московским комендантом, – помолчав, сказал он, – **сократил** бы патрули и выделил наряды бойцов на кладбищах могилы копать» (Симонов: 166).

Кроме того, неактуальная семантика есть результат представления в сознании говорящего ситуации уменьшения:

«Каждое прикосновение ее пальцев **будто сбавляло жар**» (Паустовский: 131).

Синтаксическая форма будущего времени предикатива нечастотна (3 % примеров) и материализует актуальную семантику (2,3 %):

«Ведь я Богу служу и отечеству; я ведь тяжкий грех возьму на себя, **если ослаблю закон**, подумай об этом! – Ваше благородие!» (Достоевский: 70).

Значительно реже (1,7 %) встречаются высказывания, предикатив которых представлен неактуальной будущей семантикой, функционирующей в плане настоящего абстрактного:

«Из этого простого желания вы сочинили и распустили слух, что я у вас хочу лучших работников хитростью отбить, а потом **опять сбавлю** цену ниже нынешней» (Лесков: 419).

Известно, что способность какой-либо семантики быть элементом актуального или неактуального смысла обусловлена намерениями говорящего или автора произведения использовать конкретное или неконкретное время, а также взаимодействием контекста, занимающего немаловажную роль в выражении признака локализованности / нелокализованности во времени действия, способа действия, лексического значения и вида глаголов [4: 464–465], [18: 125]. По словам Ю. С. Маслова, эти смыслы передают контекст и ситуация, а иногда выбор глагольной лексемы [16: 513].

Необходимо отметить, что контекст, участвующий в реализации того или иного частного значения у граммы несовершенного вида, может быть лексическим, синтаксическим или ситуативным [18: 11].

Материал нашего исследования показал непродуктивность формы настоящего актуального обеих схем. Это объясняется, думаем, тем, что большинство названных схем глаголов принадлежат к итеративным способам действия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Темпоральная семантика предикативов структурных схем «кто / что увеличивает кого / что» и «кто / что уменьшает кого / что» репрезентирована в нашей выборке почти всеми синтаксическими временными формами в их актуальном и неактуальном значении.

Все три синтаксические формы предикатива – настоящее, прошедшее и будущее – объективированы как актуальной, так и неактуальной семантикой, но степень их продуктивности различна. Наиболее частотными являются формы прошедшего времени с превалирующей актуальной семантикой с аористичным и перфектным значением. К неактуальной, абстрактной темпоральной семантике отнесены узуальность, повторяемость, итеративность и обобщенность формы прошедшего времени структурной схемы «кто / что увеличивает кого / что», тогда

как неактуальность, абстрактность формы прошедшего времени структурной схемы «кто / что уменьшает кого / что» представляет итеративность, обобщенность и метафоричность. Малопродуктивны формы настоящего времени с превалирующей неактуальной семантикой узуального итеративного, обобщенного характера и ее транспозицией. Частотность форм будущего времени ниже частотности других форм. Выявлено, что большинство формирующих названных схем глаголов принадлежат к итеративным способам действия.

ПРИМЕЧАНИЕ

- ¹ Указания на использованные источники даются в круглых скобках после примера, вначале – фамилия автора, после двоеточия – номер страницы.
- Аксенов В. Ожог (Роман). М.: Современная литература, 1994. 495 с.
- Астафьев В. П. Собр. соч.: В 15 т. Т. 1. Рассказы. Тают снега: Роман. Красноярск: Офсет, 1997. 608 с.
- Булгаков М. А. Белая гвардия. М.: Ладомир, 2015. 824 с.
- Горький М. Жизнь Клим Самгина [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.litres.ru/maksim-gorkiy/zhizn-klima-samgina> (дата обращения 13.07.2020).
- Грин А. С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М.: Правда, 1980. 496 с.; Т. 5. М.: Правда, 1980. 496 с.
- Достоевский Ф. М. Собр. соч. Записки из мертвого дома. М.: Мир книги: Литература, 2007. 384 с.
- Достоевский Ф. М. Собр. соч. Преступление и наказание. М.: Мир книги: Литература, 2008. 464 с.
- Дружников Ю. Г. Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. Ангелы на кончике иглы. Балтимор: Via press, 1998. 567 с.
- Короленко В. Г. Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. М.: Правда, 1971. 335 с.
- Леонов Л. Собр. соч.: В 5 т. + Т. 6. (дополн.). Т. 4. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1954. 552 с.; Т. 6. Русский лес. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955. 760 с.
- Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. Т. 1. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1956. 508 с.
- Мариенгоф А. Б. Собр. соч.: В 3 т. Т. 2, кн. 1. Проза; Мемуары. М.: Терра: Книжный Клуб Книговек, 2013. 672 с.; Т. 3. Пьесы; Послесловие. М.: Терра: Книжный Клуб Книговек, 2013. 576 с.
- Паустовский К. Г. Собр. соч.: В 9 т. Т. 3. М.: Худож. лит., 1982. 687 с.; Т. 6. Рассказы. М.: Худож. лит., 1983. 623 с.
- Пильняк Б. А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 5. Рассказы; О'кэй: Американский роман; Камни и корни: Роман. М.: ТЕРРА-Книж. клуб, 2003. 544 с.
- Платонов А. П. Сочинения. Т. 2. 1926–1927: Повести, Рассказы, Сценарии, Статьи. М.: ИМЛИ РАН, 2016. 870 с.
- Прилепин З. Дорога в декабре: Патологии. Грех. Ботинки, полные горячей водкой. Санька. Черная обезьяна. Лес: Романы, повесть, рассказы. М.: Астрель, 2012. 1052 с.
- Толстой А. Н. Собр. соч.: В 10 т. Т. 1. Повести и рассказы 1908–1911., Чудаки: Роман. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1958. 628 с.; Т. 4. Повести и рассказы 1925–1928, Гиперболоид инженера Гарина (роман). М.: Гос. изд-во худож. лит., 1958. 832 с.; Т. 7. Петр Первый: Роман. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1959. 662 с.
- Симонов К. М. Собр. соч.: В 10 т. Т. 7. М.: Худож. лит., 1982. 558 с.
- Соколов С. Школа для дураков. Между собакой и волком: Романы. СПб.: Симпозиум, 1999. 352 с.
- Топилин И. С. Серебряный пояс. М.: Вече, 2016. 464 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондарко А. В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). М.: Просвещение, 1971. 239 с.
2. Бондарко А. В. Временная локализованность // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 1987. С. 210–230.
3. Бондарко А. В. Темпоральность // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990. С. 5–48.
4. Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка / Рос. академия наук. Ин-т лингвистических исследований. М.: Языки славянской культуры, 2002. 736 с. (Studia Philologica).
5. Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол. Л.: Просвещение, 1967. 190 с.
6. Виноградов В. В. Избранные труды: Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. 560 с.
7. Грамматика русского языка. Т. 2. Синтаксис. Часть первая. М.: АН СССР, 1954. 703 с.
8. Демидкина Д. А. Темпоральные и референциальные значения временных форм с системной семантикой перфекта в английском и русском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2020. Т. 13. Вып. 12. С. 250–254.
9. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973. 351 с.
10. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Изд-во МГУ, 1998. 524 с.

11. Казарина В. И. К вопросу о темпоральной семантике модификатора *должен* // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 46. С. 5–20. DOI: 10.17223/19986645/46/1
12. Казарина В. И. Современный русский синтаксис: структурная организация простого предложения: Учеб. пособие. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2007. 329 с.
13. Категория временного порядка и функции глагольных форм вида и времени в высказывании (на материале русского языка) // Межкатегориальные связи в грамматике / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. С. 6–22.
14. Кострова О. А. Когнитивное моделирование темпоральной семантики в немецком нарративном дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 2 (55). С. 21–30.
15. Луннова М. Г. Категория вневременности: из истории вопроса // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. 2010. № 15 (19). С. 22–24.
16. Маслов Ю. С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянской культуры, 2004. 840 с.
17. Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2010. 480 с.
18. Петрухина Е. В. Русский глагол: категории вида и времени (в контексте современных лингвистических исследований): Учеб. пособие. М.: МАКС Пресс, 2009. 208 с.
19. Пометелина С. М. Синтаксически связанные конструкции временной семантики как фрагмент русской темпоральной картины мира // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения. Гуманитарные исследования. 2020. № 2 (8). С. 42–48.
20. Шаповалова Т. Е. Категория синтаксического времени и уступительность // Русская грамматика: структурная организация языка и процессы языкового функционирования / Под ред. О. И. Глазуновой, К. А. Роговой. М.: ЛЕНАНД, 2019. С. 166–176.
21. Шаповалова Т. Е. Темпоральная семантика поэтического высказывания: Электронное издание. М.: ИИУ МГОУ, 2020. 167 с.

Поступила в редакцию 28.02.2022; принята к публикации 31.03.2023

Original article

Ali R. M. Al-Hasnawi, Dr. Sc. (Philology), Associate Professor,
University of Thi-Qar (Thi-Qar, Iraq)
ORCID 0000-0002-1483-479X; ali88.2000@utq.edu.iq

SPECIFICITY OF TEMPORAL SEMANTICS OF PREDICATIVES OF STRUCTURAL PATTERNS “WHO / WHAT INCREASES WHO / WHAT” AND “WHO / WHAT DECREASES WHO / WHAT”

Abstract. The article presents a description and revelation of the temporal meanings of predicatives with two opposite meanings located on the same tier in the syntactical field “change”: the structural patterns “who / what increases who / what” and “who / what decreases who / what”. The importance of the study follows from the functional significance of temporal semantics in the formation of the communicative unit. As the structure-forming component, a marker of a predicative under consideration, there are verbs of increasing, such as *to enlarge*, *to increase*, *to double*, *to decuple*, *to aggravate*, etc., which form the first scheme, and verbs of decreasing, such as *to muffle*, *to make slower*, *to undermine one’s health*, *to undermine smb’s authority*, *to decrease*, etc., which form the second one. The collection of linguistic material was carried out on the basis of the continuous sampling method from the texts of Russian literature of the XIX–XXI centuries. Much attention is paid to identifying the main and specific meanings of verb forms of the present, past and future tenses. The study revealed the productivity of the forms of the past tense with the prevailing actual semantics with its aoristic and perfect meaning and the low productivity of present tense forms with prevailing non-actual semantics of the usual, iterative, generalized character and its transposition, as well as the frequency of future tense forms lower than that of other forms.

Key words: temporal semantics, predicative, perfect, aoristic meaning, localization, non-localization, usage

For citation: Al-Hasnawi, A. R. M. Specificity of temporal semantics of predicatives of structural patterns “who / what increases who / what” and “who / what decreases who / what”. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(4):13–20. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.901

REFERENCES

1. Bondarko, A. V. Aspect and tense of the Russian verb (meaning and usage). Moscow, 1971. 239 p. (In Russ.)
2. Bondarko, A. V. Localization of time. *Theory of functional grammar. Introduction. Aspectuality. Localization of time. Taxis*. Leningrad, 1987. P. 210–230. (In Russ.)

3. Bondarko, A. V. Temporality. *Theory of functional grammar. Temporality. Modality*. Leningrad, 1990. P. 5–48. (In Russ.)
4. Bondarko, A. V. Theory of meaning in the system of functional grammar: On the material of the Russian language. Moscow, 2002. 736 p. (In Russ.)
5. Bondarko, A. V.; Bulanin, L. L. Russian verb. Leningrad, 1967. 190 p. (In Russ.)
6. Vinogradov, V. V. Selected works: Studies in Russian grammar. Moscow, 1975. 560 p. (In Russ.)
7. Grammar of the Russian language. Vol. 2. Syntax. Part one. Moscow, 1954. 703 p. (In Russ.)
8. Demidkina, D. A. Temporal and referential meanings of temporal forms with systemic semantics of the perfect in English and Russian. *Philology. Theory and Practice*. 2020;13(12):250–254. (In Russ.)
9. Zolotova, G. A. An essay on the functional syntax of Russian. Moscow, 1973. 351 p. (In Russ.)
10. Zolotova, G. A., Onipenko, N. K., Sidorova, M. Yu. Communicative grammar of the Russian language. Moscow, 1998. 524 p. (In Russ.)
11. Kazarina, V. I. On the temporal semantics of the modifier *dolzhen [must]*. *Tomsk State University Journal of Philology*. 2017;46:5–20. DOI: 10.17223/19986645/46/1 (In Russ.)
12. Kazarina, V. I. Modern Russian syntax: structural organization of the simple sentence: Textbook. Yelets, 2007. 329 p. (In Russ.)
13. The category of temporal order and the function of verbal forms of aspect and tense in the utterance (on the material of the Russian language). *Inter-categorical connections in grammar*. (A. V. Bondarko, Ed.). St. Petersburg, 1996. P. 6–22. (In Russ.)
14. Kostrova, O. A. Cognitive modeling of temporal semantics in German narrative discourse. *Issues of Cognitive Linguistics*. 2018;2(55):21–30. (In Russ.)
15. Lunnova, M. G. The category of timelessness: from the history of the issue. *Proceedings of the Penza State Pedagogical University Named after V. G. Belinsky*. 2010;15(19):22–24. (In Russ.)
16. Maslov, Yu. S. Selected works: Aspectology. General linguistics. Moscow, 2004. 840 p. (In Russ.)
17. Paducheva, E. V. Semantic research: Semantics of time and aspect in Russian language. The semantics of narrative. Moscow, 2010. 480 p. (In Russ.)
18. Petrukhina, E. V. Russian verb: categories of aspect and tense (in the context of modern linguistic research). Moscow, 2009. 208 p. (In Russ.)
19. Pometelina, S. M. Syntactically related constructions of temporal semantics as a fragment of the Russian temporal picture of the world. *The Siberian Transport University Bulletin. Humanitarian Research*. 2020;2(8):42–48. (In Russ.)
20. Shapovalova, T. E. The category of syntactic tense and concession. *Russian grammar: structural organization of language and processes of language functioning*. (O. I. Glazunova, Ed.). Moscow, 2019. P. 166–176. (In Russ.)
21. Shapovalova, T. E. Temporal semantics of poetic utterance: Electronic edition. Moscow, 2020. 167 p. (In Russ.)

Received: 28 February 2022; accepted: 31 March 2023